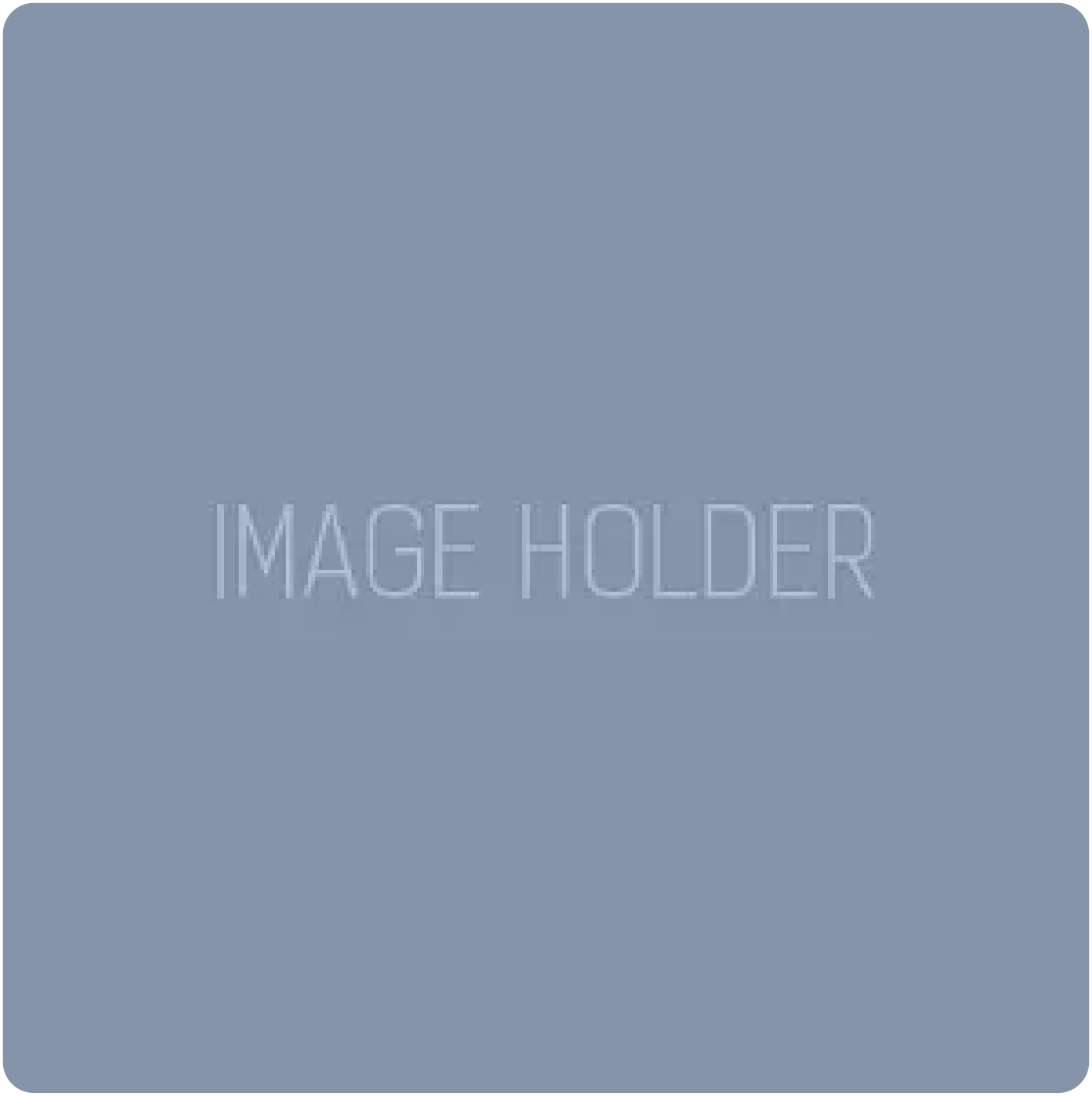

Офис

Жанр произведения: Другое

Произведение написал автор BookBox Дмитрий Каннуников

Ссылка на публикацию

Офис.

Часть первая.

Друзья…

Александр Александрович Урывкин, которого в 90-е на всех московских рынках звали Саша Рывок, сидел у себя в кабинете, в большом, удобном кожаном кресле. Взгляд его блуждал от календаря, висящего на стене, где красное окошечко стояло на отметке «пятница 13-е» и на аудиторский отчёт, который лежал у него на огромном столе, красного дерева, другой стол, по его мнению, для этого кабинета не походил. Белоснежная чашка, с давно остывшим кофе, стояла на столе рядом с отчётом. Он напряжённо думал. Фирма, которую он создал 15 лет назад, стала, мягко говоря, сдавать позиции на рынке. Когда-то, будучи студентом одного из Московских вузов, в конце восьмидесятых, он начал с обычной фарцовки, брал у иностранных студентов джинсы на реализацию за копейки, «сливал» возле метро или через своих друзей в разы дороже, имел неплохой навар. Потом, когда появился первый капитал, в начале 90-х, стал мотаться челноком в Турцию, возить оттуда шмотки, открыл на рынке «точку», потом вторую, нанял студентов из «общаги» продавцами, открыл точки по всем рынкам Москвы, потом магазин, через пару лет сеть магазинов. Первый начал возить игровые приставки и оргтехнику из Китая. Несмотря на то, что отстёгивать приходилось и бандитам, и ментам, деньги имелись. Купил квартиру, машину. Первым стал торговать дисками с играми и фильмами, естественно подпольные цеха по перезаписи и штамповки «пиратской продукции» тоже принадлежали ему. Потом появился интернет, шмотками он давно не занимался, а вот интернет торговлю он освоил первый. Выкупил по-дешёвке самые распространённые домены, потом перепродал их хорошо. Открыл свой офис в Москве, Питере и Екатеринбурге, там же склады. Офис снял в центре, возле метро в административном здании, полэтажа с отдельным входом. Снёс все перегородки, в отдельных кабинетах сидел только он, бухгалтер, финдиректор и начальник АХО, потому что у них хранились документы и стояли сейфы. Остальные сидели за стеклянными перегородками, и он мог, проходя по коридору в туалет, наблюдать, как они работают. Естественно, при виде его, все активно начинали стучать по клавишам и пялиться в мониторы. Штат был небольшой. Секретарь Леночка, финдиректор Антонина Сергеевна, с помошницей Олечкой, своей невесткой, которая ведала денежными потоками и «серыми схемами» обналички, бухгалтер Диана Петровна, с помощницей Юлечкой, дочкой, которая ведала «белыми» схемами и официальными отчётами. Начальник АХО, отставной военный Иван Евсеич, в подчинении у которого были 2 уборщицы и 2 помощника, Вася (двоюродный брат) и Петя (младший брат жены), которые выполняли разные функции, от разгрузки воды, до замены лампочек в офисе. Делали всю работу они всегда вдвоём, вернее один делал, а второй стоял рядом и развлекал его анекдотами, а когда «делать было нечего», они сидели в курилке и рассказывали смешные истории из своей жизни окружающим, тем сотрудникам, которым тоже «нечего

было делать». Надо сказать, что Петя, который брат жены Евсеича, несмотря на свой молодой возраст, 30 лет, 4 года успел отсидеть в «местах не столь отдалённых» за хулиганство, и историй знал превеликое множество. Он на корпоративах подкатывал к секретарше Леночке, которая его каждый раз «отшивала», потому что была замужем, и, за это, он пустил слух, что она спит с Сан Санычем, генеральным. После этих слухов, женская половина офиса очень холодно относилось к Леночке, хотя и Антонина Сергеевна и Диана Петровна , каждая, в своё время были любовницами Сан Саныча, почему и получили эти высокие должности, с соответствующими зарплатами. По старой памяти, Сан Саныч иногда брал то одну, то другую в командировки или в загранпоездки, но это считалось обычным делом. Иногда они отпускали в командировки Олечку или Юлечку, считая, что должности эти займут они. Если идти от директорского кабинета к туалету, то справа, за стеклянной стенкой сидел отдел логистики, во главе со своим начальником, Петром Алексеевичем Смычковым, которого его подчинённые звали «Первым», потому что он был тёзкой победителя шведов под Полтавой. Он был сокурсником Александра Александровича по институту и стал мужем его первой жены, с которой Сан Саныч развёлся десять лет назад. Она пыталась через «Первого» качать права и что-то решать на фирме, но была послана «нахуй» в телефонном разговоре, о чём Петр Алексеевич часто вспоминал «по пьяни» на корпоративах в кругу своих подчинённых, которые ещё и были его близкими и дальними родственниками. У него в отделе работал его сын Алексей, от первого брака, занимался наёмным транспортом и получал «откаты» от своих друзей-водителей, которых сам же и нанимал, племянник Серёжа, который работал по «межгороду» с разными транспортными компаниями и получал «откаты» от них. Закупками занимался Виталик, второй племянник, который мотался в Китай, и получал огромные «откаты» за то, что покупал у определённых компаний по завышенным ценам. Ещё был курьер Артёмчик, студент, сын маминой подруги и менеджер по «растаможке» Максим , троюродный брат. У Максима был друг на таможне, который за определённую мзду закрывал глаза на несоответствия в документах. Максим раз в полгода менял гардероб по моде, ношенное раздавал сотрудникам или продавал по-дешёвке, главными его донашивателями были Вася и Петя, как-то умудряясь подгонять по своим фигурам рубашки и пиджаки, надо сказать, что Вася был ниже ростом и толстый, а Петя выше Максима, но худой. Максим дружил с финотделом, постоянно пил у них в кабинете кофе, приносил конфеты и выписывал деньги на «растаможку» в огромных количествах, машины он, кстати, менял раз в год, согласно трендам и моде. В углу у них в отделе, за шкафом сидел «сисадмин» Паша, молчаливый парнишка, который весь день сидел с огромными наушниками на голове и что-то делал, то ли играл, то ли писал программы, но если у кого-то что-то сломалось или слетело, то он всегда

приходил и настраивал или чинил. Он, как тень, приходил и уходил, никто его не замечал в курилке или в туалете. Слева сидели менеджеры по продажам во главе с Констатином Эриковичем Пердохлебским, его младший брат Глеб, сын Николай и племянник Антон , соответственно Пердохлебские, и младший брат жены Стас Захованник. Все ездили на «Рендж Роверах спорт», носили дорогие костюмы и рубашки, у всех были квартиры в центре Москвы, но в курилке все жаловались на бедность, денег им не хватало, «зарплаты, сами понимаете, приходится крутиться». Вот об этом и думал Сан Саныч. Прибыль куда-то исчезала, при этом оборот нарастили почти вдвое, по сравнению с прошлым годом, товар шёл из Китая фурами, вагонами, ассортимент увеличили в 2 раза, а прибыли не было, более того, прошлый месяц отработали в «минус». По его просьбе провели аудит. Занимался этим спец, бывший полковник ОБЭПа, погоревший на взятках, но специалист он был хороший, наладил прослушку, посмотрел видео, проверил бухгалтерские и финансовые документы: - Вот, что я тебе скажу, Сан Саныч,- сказал он ему, передавая папку с документами,- в 90-е я бы весь твой офис вывез бы на природу, в карьер, и закопал, или нет, сначала сжёг бы, а потом закопал. - Что, так всё плохо? - Ты меня знаешь, я хоть с вас и брал, но крысой никогда не был, всех вас прикрывал, оттого и погорел, а тут у тебя крысятник, люди страх потеряли, понимаешь? Начнём с логистики, то, что они «откаты» берут с водил и компаний, хорошо, но «откаты» им платят не просто так, по завышенным ценам машинки заказывают и товар из Китая закупают в 2 раза дороже, чем он там стоит. Ну, это почти во всех компания, даже у государственных, в Газпроме такие «ухари» сидят, скрепки по 70 рублей за штуку покупают. А, вот, «продажники» твои веселятся во всю. Пердохлебский открыл подставные конторы, а у его менеджеров свои «точки» на московских рынках электроники. Они у тебя (себя) покупают товар со скидкой до 80%, а через свои точки продают с хорошей наценкой, там прибыль иногда в 4 «конца». «Ахошники» покупают канцелярию и туалетную бумагу по цене в 3 раза выше, чем она в ГУМе стоит, «откаты» бешеные, Евсеич поэтому каждый вечер «Хенесси» пьёт, ХО, не меньше, дочке квартиру подарил трёхкомнатную . Бухгалтерия и финотдел, там свои замуты, премии себе выписывают по 2 оклада, «таможенник» с ними делится, «ахошники» подарки носят, тоже неплохо живут. Сейчас, мил человек, таможня мзду неохотно берёт, не 90-е, чай, всё в «белую», холодильники, как горошек уже не проводят по документам, а он якобы на взятки на каждую фуру по 5 тысяч долларов выписывает, как накладные расходы. Единственно секретарша у тебя «святая», муж инженер на заводе, получает немного, за то с ребёнком может сидеть, мальчик во второй класс пошёл, она ручки взяла для него и пачку бумаги, а потом из зарплаты пошла и купила в магазине, назад принесла. Хорошая девочка, и парень этот, сисадмин, он на закупке комплектующих хорошие деньжища может иметь, а он

где дешевле смотрит и покупает, а ему бухгалтерия ещё и зарплату задерживает. За Питер и Ёбург не волнуйся, там прикорманивают, но немного, от них основная прибыль. - Понял тебя, Василич, спасибо за работу,- он положил толстый конверт на стол. - Если что надо, звони. Саныч, помогу, за месяц у тебя считай 30 «лямов» прибыли скрысили, - сказал аудитор, пряча конверт в боковой карман. Всё это было вчера, он собрал начальников отделов, сказал, что прибыли в этом месяце нет, соответственно и премий не будет, а ещё надо уволить по 1 человеку в отделе, чтобы сократить расходы, естественно о результатах аудита он ничего не сказал, хотел посмотреть на реакцию. А реакция получилась бурной. Антонина и Диана заорали, что и так за копейки работают, документооборот какой, а у них помощниц забрать хотят, хотя они и обращались неоднократно, что надо ещё на работу набрать, не справляются девочки. Евсеич кричал, что офис, аж двести метров, одна уборщица не справится, а где сейчас уборщиц найти за такую зарплату. Сан Саныч промолчал, что по данным проверки, зарплаты таджичкам в финотделе Евсеич выписывал по 35 тысяч, а на руки они получали по 18, естественно 34 тысячи было лучше, чем 17. - А вот ребят моих трогать нельзя, они и так работают, как черти, на разгрузках-погрузках экономим, а то даже на воду придётся грузчиков заказывать, не сам же я разгружать буду?- кипятился начальник АХО. То же ложь, вся погрузка-разгрузка входила по счетам в доставку. - Мне бы тоже ещё пару человек в отдел,- закричал Смычков, операторами на распределение маршрутов, мои ребята зашиваются,- то, что это родственники подруги жены, он смолчал, она уже звонила Сан Санычу, просила их взять на работу, но была послана лесом. - Моим ребятам ассистентки нужны, сами накладные выписывают , сами на подпись в бухгалерию носят, в солидных фирмах так никто не работает,- духарился Пердохлебский,- за такую-то зарплату, а они между прочим план делают и всё продают. Сан Саныч наблюдал за всей этой комарильей молча, потом встал и пошёл к себе в кабинет, а страсти в «переговорке» кипели уже без него. Потом Евсеич набрал Петю, тот притащил 2 бутылки коньяка, 2 бутылки шампанского и вместе с Васей принесли стаканы. Женщинам налили французского шампанского, мужчинам плеснули коньяка, взаимные обвинения иссякли и все стали рассказывать, кто, куда поедет в отпуск, а потом разошлись по домам. Вот и сидел Сан Саныч, думал. С утра сделал пару звонков в региональные офисы. Потом пообедал. Попросил Леночку сделать кофе. Потом прошёлся по офису, посчитал по головам работающих. Вроде бы все на местах, ждут, когда он покинет офис, чтобы разбежаться по домам. - А вот хрен вам,- зло подумал он и пошёл к себе в кабинет. Сидел, пил холодный кофе и размышлял о дружбе. На заре перестройки он закончил школу в далёком сибирском городке. Отец военный, мать учительница. Батя хотел, чтобы он пошёл по его стопам, но мама, учитель физики настояла, чтобы он

подал документы в московский ВУЗ. Он с успехом прошёл подготовительные курсы и был приглашён на вступительные экзамены. Возле института, когда все стали в очередь на экзамены, он познакомился с вертлявым, светловолосым крепышом, в дорогой джинсе. - Костя,- представился тот,- ты последний? - Саня, только я крайний, только подошёл. - А вон ещё чучело бежит,- показал он на прыщавого, худого парня, в коричневых брюках и растянутом , нелепом свитере зелёного цвета, который бежал от остановки, - привет, за мной будешь. - Уфф, чуть не опоздал, меня Петя зовут, я на «физмат» буду поступать. - Костя,- представился крепыш,- на физмат конкурс большой, туда только с золотой медалью, я куда попроще постараюсь. Саня сначала засмущался от вида Кости, «фирма», "Левис", майка с Мадонной, всё говорило о финансовом благополучии, да и таких ребят в очереди было много, но при виде Пети, его отпустило. Сам же он был одет в синий костюм, в котором ходил в школу, на плече висела дермантиновая сумка, в которой он носил учебники. - Так, пацаны, давайте после экзамена встретимся и взбрызнем это дело, там, возле «стекляшки» пиво разливное,- сказал Костя. - Не, я не пью, за компанию постою,- ответил Саня, у которого денег было немного, и он планировал потратить их на подарок маме. - Я тоже не пью, но в Москве «Пепси-Кола» вкусная, я бы попил с вами,- сказал Петя, который приехал из Луганской области. - Ладно, детишки, я угощаю,- ответил Костя и тут стали выкрикивать фамилии абитуриентов, всех развели по аудиториям. После экзамена, как и договаривались, встретились у дверей института. - Так, пацаны, идём к «стекляшке», я беру пиво, а то вам не нальют, одеты как школьники,- сказал Костя. - Нет, так не пойдёт, ты себе бери пиво, а я в магазин схожу, возьму «Пепси» или «Лимонад», я подойду,- сказал Саня. - Я с тобой, жарко сегодня,- сказал Петя. В магазине Петя достал кошелёк, как у бабушки, посчитал копейки, что-то прикинул в уме и купил таки себе маленькую бутылочку с сине-красным кружком и надписью «Pepsi – Co», Саня купил бутылку «Буратино» с деревянным мальчиком в смешном колпачке на серпообразной наклейке. Когда они вышли из магазина, то увидели Костю, с полиэтиленовым прозрачным пакетом в руках, в котором пенилось пиво. - Банки не нашёл, пришлось вот так, - стал оправдываться он. - И как ты собираешься пить из этого?- поинтересовался Петя. - Как все, маленькие что ли, покажу. Возле пивного ларька места не было, полупьяные мужики расположились на бордюре, скамейках, на газетах лежал отломленный хлеб, разная рыба, полунадкусанная, полуразодранная, густой сивушно-рыбный дух витал над этим местом. - Давай подальше отойдём,- предложил Петя,- дышать нечем. Они зашли во двор пятиэтажки, присели на кованое ограждение, Саня и Петя открыли бутылки, Костя откусил уголок пакета, и присосался, как ребёнок к мамькиной сиське. - Эх, хорошо,- сказал Костя, задирая вверх надкусанный краешек,- не хотите? - Нет,- сказали оба. - Зря, пиво хорошо жажду утоляет, я из Дубны, это далеко,

100 километров от Москвы, там пиво не такое вкусное. - У нас тоже лимонад раз в неделю привозят в магазин,- сказал Саня, а в Москве в любом магазине есть. - И мороженое везде, а у нас раз в месяц в магазин привозят, так не всегда успеваем купить, а тут ем, не наемся. Костя присосался к пакету. - Молодые люди, предъявите документы, младший лейтенант Зерновой, - раздался сзади голос. Они обернулись, там стоял патруль, молодой младший лентенат, судя по погонам и совсем молоденький сержант. - А в чём дело,- спросил заплетающимся языком Костя,- сидим себе, никого не трогаем. - Распитие спиртных напитков во дворе жилого дома,- отчеканил младлей. - А ты знаешь, офицер, что пиво у нас не считается спиртным напитком?- проявил эрудированность Костя. - Алкогольным нет, а вот слабоалкогольным, да, пройдёмте в отделение, там разберёмся. - Товарищ младший лейтенат, извините нас, экзамен сдали, жарко попить решили, пообщаться,- сказал Саня. - Вы то газировку, а ваш товарищ почему пиво? - Да это ему мужик дал подержать, а сам туда пошёл, за будку поссать,- сказал Петя и показал на трансформаторную будку во дворе. - Так, Семыкин, за мной,- они бросились к будке. - Валим,- тихо сказал Саня и они побежали в другую сторону, бросив пакет с пивом под дерево. Через полчаса, посадив подвыпившего Костю на электричку, на Савёловском вокзале, разъехались в разные стороны: Петя на Юго-западную к тётке, а Саня в Текстильщики, к троюродному брату мамы. Экзамены они сдали, поступили, правда, на разные факультеты, но в общаге поселились в одну комнату. Получили у коменданта чайник, радио, железные кровати с матрасами и постельное белье. Началась студенческая жизнь. Первый курс пролетел незаметно, две сессии «на ура», практика на заводе, поехал к родителям на месяц, а там… зарплата у родителей и так была небольшая, а тут вообще перестали платить, мама залезла в долги, чтобы купить ему обуви и одежду, еле-еле наскребли на обратный билет. - Ты это, сын, извини, я написал рапорт на перевод в Афган, там деньги платят, но войска вывели, а тут в части денег нет, мы, конечно, помогать будем, чем сможем, но ты там в Москве посмотри, может подработку найдёшь, время сейчас такое, непростое. А в стране «перестройка-плюрализм-глосность» и плюс сухой закон. В общагу вернулись грустные. Такая же фигня с деньгами и у родителей Кости, и у родителей Пети, правда, Петька притащил из деревни 3 «четверти» самогона, тяжёлая сумка, сначала хотели «погудеть», но Костя сказал, что это живые деньги, они разлили эти 9 литров в 18 поллитровых бутылок и продали по 25 рублей. С сигаретами тоже было туго, но отец дал Сане 4 блока «Столичных» с фильтром и 2 блока «Примы» без фильтра. Сам батя не курил, но пайковые забирал, в нынешней жизни это была валюта, почище доллара. Сигареты тоже продали, получили 100 рублей. Костя продал «мажористому» абитуриенту джинсовую куртку за 150 рублей и тоже вложился в общак. Дальше стали думать, как это обернуть. Выход нашли

быстро. На Юго-западной был магазин «Польская мода», там выкинули джинсовые костюмы по 60 рублей. Они покупали по костюму (давали 1 костюм в руки), ехали к ЦУМу и там продавали по 150 рублей. Если продавали быстро, возвращались в магазин, затаривались и ехали обратно. В хороший день продавали 12 костюмов. Один раз, правда, их кинули. Подошёл мужик, солидный, сказал, что хочет костюм купить, но надо померить, попросил взять в ЦУМ, в примерочную. Туда он зашёл, но не вышел, волшебник, исчез вместе с костюмом. С тех пор друзья стали осторожнее. Второй раз Костя с «выручкой» ехал через Савёловский вокзал, решил сыграть в напёрстки и засветил «котлету» денег, когда проходил под Савёловским мостом его догнали, резанули по горлу ножом, срезали поясную сумку с деньгами и вывернули карманы. Прохожие вызвали «Скорую», на горле остался шрам, а вот денег ребята потеряли прилично. В «Польской моде» тоже «залёт», их приметила заведующая, попросила к себе в кабинет и сказала, что костюмы будут покупать через неё по 70 рублей, через месяц покупали уже по 80, а ещё через месяц уже по 90. Ездить туда они перестали, потому что нашли другого поставщика, вернее поставщиков. В Москву приехало много иностарнных студентов, индусов, иорданцев, вьетнамцев. Со студенческими билетами они ездили по «общагам», знакомились, приценивались, все студенты везли из дома шмотки, новые, зачастую не распакованные. Это был Клондайк. Часто покупали фирменные джинсы по 20-30 рублей, а продавали по 200. У ребят опять появились деньги, но с учёбой начались проблемы. Пришлось искать выходы на преподавателей, кому-то фирменные кроссовки или спортивный костюм, кому-то дорогой виски, в итоге вывернулись. Так, то вверх, то вниз прожили год. Саня оформил загранпаспорт и мотался челноком в Турцию, возил джинсу, кожу, меха. Открыл несколько бутиков для «новых русских», где одевались местные бандиты, которые и крышевали их бизнес. Первым отвалился Петя. Познакомился с москвичкой Зоей, интеллигентной невзрачной девушкой. Папа у Зои был инженер на заводе, а мама кассиршей в магазине. Чтобы сыграть свадьбу Петя потратил почти все заработанные деньги (потом наживу), будущая тёща всё накручивала, чтобы была свадьба, как у всех, с лимузином, шампанским, хорошим рестораном, даже артиста пригласили, который обошёлся дороже ресторана и лимузина. После свадьбы тёща поставила вопрос ребром, всеми деньгами будет распоряжаться она, жили то в их квартире. Петя был не против, отдал все деньги, которые оставались, Зоя родила ему сына, Алексея. И тут… деньги кончились. Папа в семье право голоса не имел, амёба членистоногая, как его звала Зоина мама. Тёща стала отрываться на Пете, который хотел спокойно закончить институт. Попрекала его постоянно всем, и то, что на квартиру заработать не может, и семью обеспечить, всё на шее у тёщи сидит. Короче развелись, Петя чуть не спился, сбежал в «общагу», где Саня взял его к себе на

работу, но уже как работника. Как раз стал из Китая шмотки возить, нужно было, чтобы кто-то растаможкой занимался. Костя тоже забрал свой капитал и открыл на рынках точки, где продавал средство от насекомых, спирали от комаров. Торговали студенты, которых он набирал в общаге. Петя подошёл к вопросу растаможки творчески. Выучился на курсах таможенным декларантом. За 2 недели до прихода первой фуры с рубашками и пуховиками стал приезжать на таможню, ходить по кабинетам, спрашивая, правильно ли он заполнил декларацию. Каждый день, всех, кого встретит. Сначала над ним смеялись, на третий день всем стало не до смеха, стали перенаправлять друг другу этого «плюгавого хмыря». В конце второй недели от него уже прятались, прозвали «Чумой» и фуру пропустили быстро, поставив все печати. Дальше растаможка пошла без проблем. Как только он появлялся на пункте, все сразу разбегались «по делам», фуры даже не перегружали. Он стал потихоньку, якобы на взятки таможенникам, брать деньги у Саныча, тот давал, а через полгода Петя уже ездил на «Ауди», носил дорогие костюмы, снял квартиру в Сокольниках, и оправа у очков стала уже не роговая, а золотая. Саня радовался за друга. Бывшая тёща, узнав, что он «поднялся» пыталась вернуть его в семью, а когда не удалось, написала «телегу» в ОБЭП. Но у Урывкина в ОБЭП был хороший знакомый Василич, который тогда только начинал службу лейтенантом, тот в заявлении ничего «не рассмотрел» и возбуждать ничего не стал, а тёщу приструнил, попадалась она в советское время ОБХСС, ловили её «за руку», вот и вспомнили ей, она замолчала. Деньги на сына Петька давал, на отдых с собой брал, чего уж тут. Сам Урывкин женился поздно. Бизнес, он ведь тоже, то густо, то пусто. Надо всё контролировать, спал по 3-4 часа, мотался везде. Приехал как-то по приглашению своего партнёра Дзян Ся, тот был сыном китайского партийного деятеля. У их семьи была своя мануфактура, где они делали ткани и шили одежду, но Урывкина тогда заинтересовала приставка, на которой играл племянник, да и плоский японский телевизор был в новинку, компьютер, принтер. Оказалось, что всё это делают в Китае, по лицензии, и стоит недорого. Саня заказал пробную партию телевизоров и приставок «Денди» с картриджами. «Слил» моментально, с хорошим наваром, стал возить вагонами из Китая, а Петя растомаживал. Женился он тогда на дочери милицейского полковника, тогда милиционеры не так хорошо жили, как сейчас, даже если кто и хорошо, то скрывали это. Полковник крышевал зятя, пока тот наращивал «жирок». Дочка его, Светка, любила погулять на широкую ногу, свадьба на Канарах, куча гостей, квартиру купили в центре, коньяк пила только дорогой. Детей так и не нажили, какие-то проблемы по женской части. Прожили семь лет и развелись. «Отжала» она у него часть бизнеса, пару магазинов, денег он ей дал, квартиру оставил, машину, сам уехал на съёмную. Казалось бы, живи и радуйся. Но что-то не заладилось, появился один любовник, потом второй, расходы-расходы, красивая

жизнь, стала играть. И вот, однажды, пришлось продать сначала машину, потом разменять квартиру на хрущёвку с доплатой. Тут и появился в её жизни Петя, который , как истинный джентельмен женился. Петя перевёз её в свою квартиру, купил ей машину, попытался даже протащить к ним на фирму работать, но тут уже Сан Саныч встал на дыбы, короче не получилось, сам Петя чуть сам не вылетел со скандалом, но набрал весь отдел из «своих», сына, племянников, даже сына какой-то Марьи Петровны. А Костя? Что Костя. Вертелся, крутился, то открывал, то закрывал палатки на рынках. Вкладывал деньги то в асфальтовый завод в Химках, то в «нефтянку», то в «Газпром». Последним вложением было в покупку цеха по производству одноразовой посуды. Он уже в уме считал барыши, когда к нему в комнату в общаге завалились крепыши, бритые и в кожаных куртках, которые объяснили ему, что весь бизнес по «пластику» принадлежит жене тогдашнего мэра, и что 60 процентов прибыли он должен будет отдавать им, то есть ей. Были посланы подальше, ушли молча, слегка огорчённые, а новый цех сгорел ночью, так и не начав работать, короткое замыкание. Костя запил, потом женился, решив поправить положение, на дочери банкира с прекрасным именем Жанна, но папашка-банкир обанкротился, собрал быстро всю семью и наличные в свою утлую лодку (яхту), на которой места Костику не оказалось и свалил в направлении Кипра. Оттуда пришли документы, что Жанна с ним развелась, обещала присылать по 100 долларов каждый месяц, если он подпишет развод, он подписал, но денег так ни разу и не получил. Поучительная история. Запил Костя, из общаги его выперли, решил он вернуться к первой жене, Наташке, на которой успел жениться в институте и через полгода развестись, нашёл её в деревне в Подмосковье, откуда она была родом. Но из молодой, красивой девчушки, с которой он тогда расписался, превратилась она в жирную, жопастую корову. Кстати работала дояркой на местной ферме. Сын, Колька, флегматичный, крупный пацан был на него, конечно похож, но до 16 лет мужского воспитания не знал, отчего вырос таким женственным пентюхом. Чтобы исправить это недоразумение, он позвонил Урывкину, сказал, что согласен на любую работу и переехал в Москву с сыном, Наташку брать с собой не стал, тем более на неё там засматривался местный пастух Фёдор, и они могли, вполне себе, составить ячейку общества. С Тонечкой всё было просто, познакомились, когда ехали челноками в Турцию. Наивная, миленькая девушка из Харькова. На рынке в Стамбуле её кинули, впарили куски ткани в сумках, под видом элитной одежды. Урывкин тогда помог, дал денег, свёл с надёжным поставщиком. Вечером, в гостинице она пришла отблагодарить. Даже целоваться толком не умела. Он бы женился, но были непреодолимые обстоятельства в лице Серёжи, который ждал её в Харькове. Периодически они встречались, он снимал дорогую гостиницу, трахались, она занимала немного

денег и уезжала в Харьков к мужу. Она родила сына, муж то ли спился, то ли погиб. Тоня всё продала в Харькове, на вырученные деньги купила комнату в Марьино, он пожалел, взял её финансистом, она как раз в Харькове работала в банке, положил хорошую зарплату, иногда они с ней ездили отдыхать. Сын её женился, и невестка Олечка стала её помощницей, тоже, надо сказать, с хорошим окладом. С Дианой познакомился на своём мальчишнике, в сауне. Костян пригласил девочек. Она была такая молоденькая и стройненькая в кружевном красном белье, что он расхотел жениться. Она делала всё, что он попросит, эта чёрненькая, кареглазая бестия с пухлыми губками и горячим язычком. Он взял её телефон и после свадьбы часто пользовался услугами, беря её , как экскорт в командировки. Потом она неожиданно вышла замуж, за крупного бизнесмена, а когда тот разорился, ушла от него. Окончила курсы бухгалтеров, и попросилась к нему на работу. Он её взял, конечно, несмотря на возраст, привлекательности она не потеряла, иногда для достижения целей в переговорах он подкладывал её компаньонам. Она спала с Костей и Петей, но об этом он узнал только вчера, хотя догадывался давно. Про дочку он вообще узнал, когда она привела её устраиваться на работу своей помощницей. Когда Саша развёлся, то Антонина и Диана решили, что кому-то из них он сделает предложение, бегали к нему на приём, строили глазки, красились, молодились, лелея надежду стать первой леди компании, но Сан Саныч уехал на родину, на похороны отца, а вернулся оттуда через месяц с молодой женой, восемнадцатилетней красавицей. Она родила ему одного за другим двух сыновей, в дела фирмы не лезла, была примерной домохозяйкой. А на них Сан Саныч вообще перестал обращать внимание, брал только в рабочие поездки, где надо было произвести впечатление на какого-нибудь очередного партнёра. Решение созрело, он встал, посмотрел на часы, 16:00. Вышел, закрыл кабинет на ключ. - До свидания,- сказал Леночке, которая сидела за стойкой при входе в офис. - Александр Александрович, вы что, уже уходите?- она единственная звала его по имени отчеству, соблюдая субординацию. - Да, Леночка, хороших выходных, вы мне понадобитесь в понедельник с утра. - И вам хороших выходных, Александр Александрович. Он приложил пропуск-карту, дверь открылась. Вышел в предбанник, где были только двери лифтов, офис находился на четвёртом этаже, попасть туда можно было только через эти два лифта. Спустился на первый этаж и зашёл к начальнику охраны: - Здорово, Семёныч, всё спишь на посту?- пошутил он,- как у тебя с видеонаблюдением? - Нормально всё, Александр Александрович,- бывший военный тоже соблюдал субординацию, как и его подчинённые,- смотрим, бдим, камеры везде, кроме кабинок туалета. - Есть разговор. - Говорите. - Короче, я уеду, сейчас сделаю объявление, надо будет посмотреть, кто первый выйдет из офиса, если по чужой карте, то заблокируй и не выпускай, если по своей, то скатертью дорога, потом пусть и

остальные выметаются, квест такой. - Что? - Ну, игра такая, полоса препятствий. - А, понял. - Если никто не выйдет, ты там поснимай, не дай бог, кто курить будет, так брызни его из огнетушителя, окна то не открываются, а если долго никто выходить не будет, так ты им «кондей» отключи, короче, сам сейчас всё поймёшь. Включай свою говорильню. Николай Семёнович повернул ручку на пульте, повернул микрофон на гусаке в сторону Урывкина. На столе стояли шесть мониторов, на которых постоянно менялись картинки с камер. - Друзья, коллеги,- сказал он, глядя на монитор, который транслировал картинку из его офиса,- вчера было совещание, мы подумали, и я решил. Надо уволить одного человека, вернее двух. Вы сейчас соберётесь, обсудите и тот, кто меньше всего хочет у нас работать выйдет по своему пропуску из офиса. В понедельник приедет с заявлением и за расчётом. Второго сотрудника из этого отдела я уволю по своему выбору. Выйти можно будет только по своему пропуску, по чужому охрана не выпустит. Всё, я поехал домой, жду от вас волевых решений, хороших всем выходных. Он бросил взгляд на удивлённые лица сотрудников, которые смотрели на камеры: - Семёныч, просьба, пусть твои ребята присматривают, чтобы без вандализма и смертоубийства, хрен знает, что у них там, в головах, если что, принимай, так сказать, меры, ментов вызови или своих ребят пусти. - Не волнуйтесь, Александр Александрович, присмотрю, и ребят своих предупрежу, чтобы глаз не спускали.

Часть вторая

… познаются в беде.

После объявления сотрудники стали выходить в коридор. - Надеюсь это шутка?- бегала по коридору Антонина Сергеевна, заглядывая всем в глаза, как будто пыталась найти ответ на свой вопрос. - Хочешь проверить? Давай, иди домой, а мы следом,- с улыбкой сказал Константин Эрикович. - Нет уж, только после вас,- засмеялся Пётр Алексеевич. - Блин, чуваки, как в триллере. Сейчас все начнут друг друга резать на куски и один…, с чемоданом денег…, весь окровавленный…, выйдет в лифт, который отвезёт его на другой этаж, где будут сидеть с такими же чемоданами…, все окровавленные, выжившие из других офисов, а потом…, останется один живой, который заберёт себе все чемоданы,- загробным голосом сказал Алексей Смычков, сын Петра Алексеевича. - Ой, - взвизгнула Олечка, - не надо так. - Так, что за кипешь?- крикнул Петя, который шёл из другого конца коридора, от своей коморки вместе с Евсеичем и Васей,- больше трёх не собираться, устроили митинг. - Кипешь, не кипешь, а домой хочется,- сказал «таможенник» Максим,- у меня , знаете ли, свидание с прекрасной нимфой. Он почему-то посмотрел на Юлечку, которая , почему-то покраснела. - Так иди, кто тебя здесь держит,- грубо сказал Евсеич. -

Обстоятельства,- съязвил Максим,- а вас что, никто не ждёт дома? - Не вашего ума дело,- продолжал грубить Евсеич, от которого пахло перегаром и цитрусами,- вещи собрали и по домам. Толпа возмущённо зашипела. - Вот-вот, на правах зама генерального, надеюсь , не забыли, кто главный, когда Саныча нет, приказываю, всем собраться и пойти домой,- сказал Константин Эрикович. - Может тогда личным примером, так сказать,- улыбнулся «Первый», блеснув золотом оправы. - Мне надо поработать, срочные переговоры с регионами, а вас никто не держит,- парировал Пердохлебский,- так что собираемся и по домам. - Так у нас тоже дел много, пойдём Оля,- сказала Антонина Сергеевна, и пошла в свой кабинет. Все разбрелись по своим рабочим местам и стали делать вид, что работают, поглядывая на выход, вдруг, кто-нибудь уже собрался, но дураков не находилось. Прошло 3 часа. Потихоньку народ опять стал собираться в коридоре. - Так, если никто сам уходить не хочет, давайте решим коллективно,- сказала Диана Петровна,- в бухгалтерии и финотделе работают по 2 человека, поэтому если уволят, то всех, остановится работа компании, это же очевидно. - Да,- подтвердила Антонина Сергеевна,- кто вам деньги будет начислять и зарплату давать. Давайте сократим кого-нибудь из больших отделов. - Интересно, если уволить секретаря, то кого уволят второго, ведь она у нас одна, незаменимая,- вызывающе глядя на Леночку, которая скромно стояла в стороне, сказала Оля. Лена промолчала. Она дорожила своей работой. Жизнь у неё сложилась нермально, не без трудностей конечно, но есть семья, ребёнок в школу пошёл. Муж Фёдор, который после института пошёл работать инженером на завод, теперь работает в НИИ. Денег, конечно, не много получает, но, за то, есть время забирать сына из школы. Есть небольшая квартира. По взаимной договорённости она работает, рано уезжает на работу, поздно приезжает, но ей хорошо платят, она не только секретарь-референт, но и специалист по подбору персонала, окончила Педагогический институт, психолог, но в школе не сложилось, а вот на фирме получилось. Сан Саныч постоянно выплачивал надбавки за сверхурочные, премии, всё это проходило через финотдел и бухгалтерию, поэтому там и стали распускать слухи, что она спит с генеральным. Красивая, но не яркая, чуть полноватая, вряд ли она бы заинтересовала директора, как женщина, а вот как сотрудник она была незаменима. На корпоративах, пьяные сотрудницы бросали ей в спину шёпотом : «директорская подстилка», но она молчала, по опыту зная, что когда начинаешь доказывать обратное, тем самым только укрепляешь всех окружающих в их подозрениях. Она бы и не ходила на эти корпоративы, но по просьбе Сан Саныча должна была уйти последней и опечатать офис. - Не, Ленку не уволят, - сказал Петя,- если только с Пашкой, он вон даже не пришёл на собрание, сидит себе за шкафом в наушниках, в танки рубится, наверное, может он и не слышал ничего про наш замес. Что ему ещё делать, тунеядцу. - Смех смехом, а как говориться,

ёжики тоже е…, ой извините, детей делают. Давайте что-то решать уже,- сказал Константин Эрикович. - Давайте,- воинственно сверкнул золотой оправой Петр Алексеевич,- чей отдел будем дербанить? - Давайте административно-хозяйственный,- предложил Максим,- лампочки может и один человек менять, а вторым номером уборщица пойдёт. - Эй, стопэ, баре ругаются, у холопов чубы трещат, по технике безопасноти двое должны лампы менять,- возмутился Евсеич. - Ага, один становится на стул с лампочкой, а второй этот стул крутит,- сказал Серёжа из отдела логистики, балагур и сплетник. Все засмеялись. - Ты фонтан завали,- набычился Евсеич, лицо его из красного стало малиновым, казалось, что из ноздрей сейчас пойдёт пар,- ты за свою жизнь сам хоть одну лампочку поменял? - Мне это не надо, для этого есть специально обученные люди. - С допуском по электробезопасности,- внесла свою лепту в спор Антонина Сергеевна,- мы зачем вам «корочки» проплачиваем. - Да пошли вы со своими «корочками», тут вопрос не в «корочках», а в правилах безопасности,- обиделся Евсеич. - А полы мыть тоже вдвоём надо по технике безопасности?- наивно спросила Юлечка. - Да, вдруг кто-то один подскользнётся, а второй его подхватит,- засмеялся Глеб Пердохлебский. Все опять засмеялись. - Ты, я смотрю в детстве подскользнулся, или мать твоя, когда тебя на руках несла,- сказал Евсеич,- из своих отделов народ увольняйте, один хрен сидите, ничего не делаете. - Ну да, а деньги ваш отдел зарабатывает,- возмутился Константин Эрикович. - Так мы ж для вас стараемся, зарабатывали бы вы деньги, если бы думали про воду, чай, кофе, который, кстати, вы итальянский любите, зерновой, а он денег бешеных стоит, обжарку вам подавай специальную, буржуи. А бумажка туалетная, помню, купили обычную, двухслойную, вся страна её пользуется, а у нас в офисе у всех жопки нежные, такие, прям графья-с. Так что не хер тут выпендриваться, без нас вы в грязи утонете и иссохнитесь, будете не о работе думать, а о том, где бы кофе попить. - Кстати, о туалетной бумаге, мы ведь тоже в магазины ходим, даже в дорогие,- сказала Диана Петровна. - Нисколько не сомневаюсь,- сказал Евсеич. - Так вот, даже в самом дорогом супермаркете туалетная бумага стоит в три раза дешевле, чем вы закупаете на офис. - И что, для ваших нежных жопок я закупаю очень качественную бумагу, которую делают во Франции, а не в России по лицензии. - Ладно, вы тут решайте, а мне надо кое-что доделать,- как будто бы что-то вспомнив, он побежал к своему кабинету, махнув рукой Васе и Пете, те бросились за ним. - Так, ладно, коллеги, надо что-то решать, не ночевать же в офисе,- сказала Диана Петровна. - Да,- закивали головами Антонина Петровна, Оля и Юля, которым показалось, что тучи над их головами рассеялись. - Ну, что ж,- сказал Константин Эрикович после продолжительной паузы,- я так понимаю, что Лена не хочет самоуволиться? - У-у, не хочу, - сказала Лена и пошла на своё рабочее место. - Так, придётся мне, будучи заместителем генерального решать этот

вопрос. Конечно, можно сократить финотдел, без него мы худо-бедно обошлись бы, шучу-шучу,- сказал он Антонине Петровне, которая уже открыла рот, чтобы в очередной раз пожаловаться,- вы у нас белые и пушистые, вас мало, но вы в тельняшках и всё такое прочее, значит, будем поглядеть на остальные отделы. В нашем отделе сокращать некого, так как и так нас мало, нас , как говорится, стебут, а мы крепчаем, нам ассистенты нужны, а то мы всё сами делаем, но как видите и так тянем на себе всё. В других конторах «сейлов» на руках носят, а здесь мы в «чёрном» теле, ну да ладно, многое переживали, и это переживём. - Ага, прям нищета, последний хрен без соли даедают,- сказал шёпотом Максим Юлечке, та прыснула. - Да, мы умеем работать и зарабатывать, результат нашей работы налицо. - На лице, я бы сказал,- прошептал Алексей Артёмчику. - А вот вы зря, молодой человек, если бы мы не продавали, вам бы нечего было возить. - Да мы возим,- сказал Алексей, - только фамилии на вывесках в павильонах больно знакомые. - А вот не надо,- взвизгнул, выйдя из себя Константин Эрикович,- тут демагогию разводить, у вас тоже, знаете ли, цены на доставку не самые низкие в Москве. - Так,- прервал словесную перепалку Петр Алексеевич,- что по существу вопроса. - А вот теперь по существу,- сказал Пердохлебский,- зачем вам нужен курьер? Ведь любой водитель может завести документы по дороге. - Да, в общем-то, мысль интересная,- посмотрел на толстого Артёмчика «Первый»,- ты как Артём? - А вот хрен,- вдруг крикнул и покраснел Артём, устыдившись своего порыва,- лотерея, так лотерея, непонятно кто ещё, сколько выдержит без воды и сигарет. Я вот не курю и сегодня не обедал, так что на той еде, которую мне дала мама с собой день-два протяну, а вы? Надо сказать, что Артёмчика воспитывала мама, отца он никогда не видел. Мама очень любила сына, кормила, холила и лелеяла. С детства она ни в чём ему не отказывала. У него было всё, игровые приставки, новые игры, дорогая одежда и самое главное, он до 30 лет нигде не работал. И тут мама стала задумываться о судьбе сына, после её смерти. Вдруг оказалось, что её толстый сынок ни к чему не приспособлен. Конечно, как вариант, можно было его женить на женщине, которая продолжала бы о нём заботиться, но все женщины, которым она могла более или менее доверить, не больше и не меньше, чем жизнь своего увольня-сыночка, были её подруги, а молодым она не доверяла. Были жалкие попытки познакомить его с девушками, которых рекомендовали её подруги, но девочки, сучки такие, бросали её сынка, который мог говорить только об играх, книги он читал только из школьной программы и давно не помнил, о чём там написано. С горем пополам окончил школу, потом мама купила ему диплом, заплатила 200 тысяч, в институте он не появлялся, но у него была зачётка, куда проставлялись зачёты и экзамены, и спустя 4 года он получил диплом «Бакалавра средств коммуникаций и связи». Мама всегда говорила ему: - Надо быть твёрже, как твой отец, будь мужчиной. - Хорошо, мама,- говорил Артём и заряжал в «игрушку»

очередной шуттер. Мысль о том, что будет с её сыном после её смерти, не покидало маму, и она решила устроить его на работу. Но и тут корабль ожиданий натолкнулись на острые скалы реальности. Как специалист он был никакой, поэтому про диплом пришлось забыть, на всех собеседованиях он валился с первых же вопросов. Надежды пристроить мальчика в крупную солидную, лучше иностранную фирму, провалились. Она видела в мечтах его большим начальником, которого привозит на работу на машине личный водитель, но места начальников были заняты, по её мнению, сволочами и бездарями. Но тут подвернулся случай, пожаловалась она своей подруге Элеоноре, которая оказалась бывшей тёщей Урывкина и настоящей тёщей Смычкова, та подсуетилась, и буквально всунула в отдел логистики Артёмчика, хоть и курьером. Работа была не пыльная, платили мало, но мама всегда говорила: - Терпи, придёт случай, может, пойдёшь вверх по служебной лестнице и станешь начальником,- и подарила ему новый «Айфон», с которым он никода не расставался. Может быть, сейчас и наступил тот самый случай. Артёмчик внутренне ликовал. - А что с водой не так, с куревом-то понятно,- спросил Антон Пердохлебский. Все, как по команде повернулись к тому месту, где стоял кулер с водой, кулера на месте не было, его заносили в комнату АХО Вася и Петя. - Бля, - крикнул Антон и все бросились за ним, но дверь в АХО, надо сказать основательная и обитая железом, с громким лязгом захлопнулась. - Иван Евсеич, Иван Евсеич,- стал барабанить кулаком по двери Константин Эрикович,- зачем вы забрали воду? - А вот теперь и посмотрим, кто дольше просидит,- раздалось из-за двери, мы хоть неделю можем сидеть, у нас и вода и еда, кто-нибудь сломается и мы выйдем. - Откройте немедленно,- стала барабанить в дверь Диана Петровна,- Иван Евсеич. - Я вас очень уважаю, Диана Петровна, но тут уже каждый за себя, не дам развалить свой отдел. - Может, вынесем дверь на хрен?- предложили племянники Виталик и Сергей. - Ага, вынесете, дверь укреплённая, это вам не китайское фуфло,- сказал из-за двери Вася. - Так, коллеги, давайте по местам, подумайте, может кто-то уже решился, а то кушать хочется, а сегодня не ел ничего,- сказал старший Пердохлебский. - А уж курить как, уши пухнут,- сказал Максим. - Свет в одиннадцать вырубит охрана, у них централизованно, никого не волнует, работаешь ты или нет,- сказал Петр Алексеевич,- с курятиной да, хотел же бросить, дурак, теперь все заложники, тут датчиков, как тараканов на кухне в общаге, сработает – всех зальёт. - Вода в туалете есть, если что попьём,- сказал Стас. - Попьёшь, ты ага, кипятить надо, а где чайник взять? - сказал Антон. Никто и не заметил, как финотдел и бухгалтерия закрылись в своих кабинетах. Все стали расходиться по рабочим местам, обсуждая качество водопроводной воды. Артёмчик разложил на своём рабочем столе еду: большой лоток с крышкой, в котором в разных отделениях были салат и много жаренных куриных бёдер. Запах жареной курицы начал распространяться по офису, народ

непроизвольно потянулся на запах. Артём держал толстыми, как сардельки, пальцами куриную ножку и обгладывал её. Жёлтый жир тёк по пальцам, капал в лоток. Все непроизвольно сглотнули слюну. Он откусывал кусок курицы, потом закидывал в рот салат одноразовой вилкой и заедал всё хлебом, который доставал из отдельного пакета. - Поделился бы, что ли,- со стоном сказал кто-то из «сейлов», кажется Николай Пердохлебский. Артём повернул к ним своё толстое лицо и толстыми, лоснящимися от куриного жира губами улыбнулся, прожевал и сказал: - А вкусно у меня мама готовит,- потом взял двухлитровую бутылку «Кока Колы» и с шипением её открыл. Ш-ш-ш. У людей не выдержали нервы. - Сука,- первым на него бросились Максим и Глеб. Его повалили на ковролин и стали бить, каждый хотел внести свою лепту и ударить, лучше по лицу, как он смел над ними издеваться. - Стойте, что ж вы делаете?- разъярённой фурией на них налетела Леночка,- отойдите от него, козлы, как вы можете, из-за еды. Народ отпрянул от лежащего на полу и закрывающего голову руками Артёмчика. Тело его содрогалось от рыданий, опрокинутая бутылка «Кока колы» валялась рядом, из неё толчками выливался и пенился напиток, на ковролине разрасталось тёмное пятно. Между Артёмом и толпой стояла Лена и держала в руках дырокол, ничего тяжелее у неё на столе не нашлось: - Отошли от него, ты как? - Гады, гады,- Артёмчик рыдал. - Пойдём, маленький,- она помогла ему подняться, повела в туалет,- пойдём, умоемся. Забавно было смотреть, как невысокая Лена помогает идти здоровому, толстому Артёму в залитых «Кока колой» штанах, но все смотрели на еду, которая осталась на столе. Первым подошёл и взял кусок курицы и кусок хлеба Константин Эрикович, вторым Петр Алексеевич, потом бросились остальные, быстро расхватали остатки. Лена помогла умыться Артёмы, у него была разбита нижняя губа и синяки под обоими глазами, видно первый удар пришёлся по переносице. Она намочила холодной водой тряпку , которой, по всей видимости мыли умывальник. - На, приложи к переносице. - Гады, гады, всё маме расскажу,- рыдал Артём. - Всё, успокойся, будь мужиком,- сказала Лена и вышла в коридор. Внезапно в офисе погас свет. В темноте, в свете экранов телефонов и мониторов ноутбуков ходили жующие и пахнущие курицей тени. Лена прошла на своё рабочее место за стойку, опустила кресло до уровня двух стульев, которые стояли для посетителей, вытянула на них ноги. Набрала мужа: - Привет, кушайте и ложитесь без меня, как Димка? Нет, всё нормально, в офисе, приеду, расскажу, сейчас не могу, если раньше освобожусь, то приеду на такси. Нет нельзя, - повысила она голос,- всё целую, люблю обоих. Она опустила спинку стула и попыталась лечь, получилось не очень удобно, юбка задралась, попыталась поправить – отъехало кресло, чуть не упала, чёрт бы побрал этот дресс код, кто его придумал. Она пробовала и так и эдак, в результате, как – то устроилась, закрыла глаза. Всё у неё складывалось в жизни неплохо. Родилась и выросла в

небольшом городке, который построили после войны вместе с химкомбинатом. Папа был инженер на этом самом комбинате, мама - заведующая детским садиком. В Советское время тем, кто работал на производстве, давали квартиры, сюда ехали не только специалисты ИТР, но и бывшие зэки, на «химию» брали всех, несмотря на прошлое, приезжали, устраивались в общаге, потом привозили семью, получали квартиры. Во дворе не было разницы, сын ты инженера-интеллигента или сын слесаря-зэка. С детства Лена умела постоять за себя, вернее за себя и за свою лучшую подругу Оксанку. Оксанка была красавицей, блондинка с огромными голубыми глазками, кукольным личиком и стройной фигуркой. Все пацаны двора хотели с ней дружить, соответствующим образом привлечь внимание, ударить, толкнуть, зажать возле «грибка» в песочнице, но так же они боялись пухленькую, крепкую Лену, которая могла не только отвесить плюху, но и красиво, по-взрослому послать по «матери». Рядом с песочницей стоял стол , где после смены мужики забивали козла в домино или играли в карты. У Лены была хорошая память и она запомнила много оборотов и выражений, которые применяла по ситуации. Когда она приехала в Москву, то на вокзале один воришка пытался вырвать у неё сумку, в итоге получил это сумкой по голове, слегка поплыл, а потом она так развела его «на понятия», что он чуть руки на себя не наложил прилюдно. Оксанка, кстати, после школы уехала в Москву и стала проституткой, но очень красивой и элитной, в итоге вышла замуж за какого-то депутата. Приезжала в гости на «Порше», жаловалась на скуку, звала с собой в Милан на выставку моды. Была у Лены школьная любовь, ну как любовь, она полюбила парня из своего класса, на выпускной даже призналась ему в любви, но он посмеялся над ней, сказав, что переспать с ней может, но только один раз и только ради прикола, а вот на Оксанке бы он женился. Так что поехала она учиться в Москву в институт с тихим чувством ненависти ко всем мужикам. С Федей она познакомилась на втором курсе. К её подруге, с которой она жила в одной комнате часто приходили друзья, она знакомилась с ними везде, в транспорте, в магазине, в кино, очень общительная была особа. Однажды она привела двух парней, один худой и развязный Андрей, второй высокий и пухлый как медвежонок, в очках с толстой роговой оправой, Федя. Андрей приставал к соседке Наташке, а Федя сидел, молча, пил только чай и всё время смущался, когда Андрей предлагал ему выпить шампанского. Потом Наташа и Андрей ушли в кино, а Фёдор остался помочь помыть посуду, они разговорились. Он оказался интересным собеседником, был начитан и, даже вызвался помочь по физике, математике или черчению, коль возникнет в этом нужда. Они стали дружить. Он был весь такой положительный, правильный, что ли. Когда она заболела, он два дня просидел с ней, кормил бульоном, который сварила его бабушка, бегал за лекарствами, которые выписал врач. Как-то незаметно она поняла, что не может без него жить. Он признался ей в любви,

сделал предложение, она согласилась, только без пышной свадьбы. Мама Феди работала в НИИ начальником отдела проектирования, папа был милиционер, участковый, который вскоре вышел на пенсию. Был он не из тех «ментов», которые ездят на дорогих иномарках с килограммовыми золотыми цепями на бычьих шеях и везде светят «ксивами», оставляя по 500 долларов чаевых в чебуречной. Скромный человек, тихий даже, но на работе и на участке его уважали, если он видел правонарушения, то действовал всегда жёстко и быстро, проблем у него не было не с сослуживцами, ни с братвой. Он перед пенсией взял кредит на машину и продолжал его выплачивать после пенсии, работая в частной охране, подрабатывая сторожем на автостоянке по ночам. Понятно было, как он воспитал сына. Жили они не богато, в двухкомнатной квартире. Жили душа в душу. Ещё была бабушка, пожилая интеллигентная, у неё была однокомнатная квартира в Чертаново, Лене она очень понравилась, Лена ей тоже. На свадьбу приехали Ленины родители, расписались в ЗАГСе, посидели скромно в кафе, а, на следующей день, началась уже семейная жизнь. Жили пока с родителями Феди, а когда Лена забеременела Димкой, то вдруг умерла бабушка, оставив квартиру внуку. Жалко, конечно, но жизнь есть жизнь, больше всего переживал папа, Николай Степанович, отец у него погиб на фронте и мама растила его одна. Они переехали в Чертаново. Жили счастливо, Федя после института пошёл на завод, зарплата была небольшая, но ничего жили. Когда она родила Димку, а когда сын подрос, она устроилась работать секретарём-референтом в компанию, где работала и по сей день. Она занималась не только секретарской работой, но и подбором персонала, ей за это доплачивали, хотя персонал не менялся со дня её выхода на работу, все эти братья, племянники с высока смотрели на эту девку со стороны, но, она молча делала свою работу и терпела. Федя занимался воспитанием сына, водил его в садик, потом в школу, забирал, учил с ним уроки. Они копили на машину, Лена решила, что как только купят машину, она забеременеет вторым и будет сидеть дома. Мужа и сына она очень любила. Она улыбнулась, вспомнился случай. Как-то они поздно забрали из садика Димку, заглянули в магазин и шли домой. Было темно на улице, зима. Она держала за руку сына, а сзади шёл Федя с двумя огромными магазинными пакетами. Димка рассказывал, что произошло за день в садике. Вдруг на дорожку, по которой они шли, из кустов вышли два парня, в спортивных костюмах, коротких куртках и надвинутых на глаза шапочках. Парни перегородили дорожку, один щёлкнув выкидным ножом, сказал: - Так, молодожёны, деньги давайте, а сами валите. Она краем глаза увидела, как Федя поставил пакеты на асфальт. Лена оттолкнула Димку назад, к мужу и сказала: - Федя, закрой Диме уши. Он закрыл руками сыну уши, а она сделала шаг вперёд: -Вы чё, сучёныши, рамсы попутали, ты, дефективный, «бабочку» спрячь, лучше в «очко» себе или своему другу обдолбышу, там она красиво будет смотреться,-

дальше она стала красочно описывать ,кто и где мог таких дебилов родить и какое бесперспективное будущее их ждёт под нарами. Парни не выдержали словесного напора и ломанулись в кусты, как те самые олени, с которыми были недавно сравнены в монологе. Она в азарте сунула два пальца в рот и громко свистнула им в след, отчего загорелись окна в квартирах дома, возле которого они проходили, и стало светло. Она повернулась к мужу, ожидая увидеть на его лице ужас или презрение, но увидела в его глазах восторг: - Ты где так научилась? - На «химии»,- имея в виду не школьный предмет, а двор, в котором она росла, он, наверное, понял по-другому. - Хорошие у вас учителя были, нас в школе такому не учили. - Да уж, учителя хорошие были,- сказала она, взяла за руку сына, он взял пакеты и они пошли домой. Из коридора раздавался храп и шёпот. Кто-то уже спал, кто-то ворочался, устраиваясь на рабочих местах, только из-за шкафа лился призрачный свет от монитора. Пашин компьютер был подключен к мощным «бесперебойникам», которые не давали выключиться серверам, даже если исчезнет всё электричество на планете. «Дня на два хватит»,- как-то говорил он Лене, когда устанавливал оборудование. Мимо стойки кто-то тихо прошёл на цыпочках, потом со стороны двери в бухгалтерию раздался слабый стук и шёпот: - Юля, Юлечка, открой, это Максим. - Максим, мы тут с Дианой Петровной, давайте завтра. - Я тут нашёл в столе печение, вы не хотите? - Очень хотим, а вы один? - Да, наши спят уже. Послышался щелчок замка, дверь приоткрылась и сразу закрылась, щёлкнул замок, закрываясь. Она попыталась перевернуться на бок, стулья стали разъезжаться, осталась лежать на спине, стала засыпать. Вдруг почувствовала, как то-то гладит её ногу, от колена и выше, под юбку, она дёрнулась. - Тихо-тихо, это я, Петя,- раздался шёпот,- хочешь апельсин? - Грабки убрал, Петя,- сказала она тоже шёпотом,- а то закричу, такой зехер поднимется, мало не покажется. - Ты откуда «феню» знаешь? - Во дворе учили. Петя попытался обнять её, но она не далась, он больно сдавил руку. - Ладно, думал, может с тобой перепихнёмся по-быстрому. - С рукой своей перепехнись, пошёл на хер. - Ладно, сочтёмся, недотрога,- он вылез из-под стойки и стал перемещаться в сторону коридора. Вдруг в коридоре вспыхнули фонарики на телефонах. - Так, кто тут у нас ползает,- раздался из коридора ласковый голос Константина Эриковича. - Так это ж наш зам начальника АХО, Петя, кажется,- это уже Петр Алексеевич, звук борьбы,- давай-ка его ребята к начальнику его оттащим, посмотрим, нужен ли он ему. Лена села. Ну что это за жизнь, теперь ещё этого отбивать, она взяла в руки тяжёлый дырокол и пошла по коридору на свет фонариков. Возле железной двери коморки АХО логисты и "продажники" держали за руки Петю, который извивался, и пытался вывернуться. Константин Эрикович стучал кулаком в дверь и кричал: - Э-эй, Евсеич, тут твоего паренька прихватили, открывай, да кулер отдава-а-й. - Щас тебе, чтобы я ещё из-за этого дебила дверь открыл, говорили

ему, сиди, никшни, а его на пиздятинку потянуло, хуй в голове – медицина бессильна. - Так помнут ведь племянничка. - Так хоть в жопу его трахнете, может, мозги на место встанут, тоже мне герой-любовник, мы спим. Константин Эрикович ещё стучал, грозил, упрашивал, но Иван Евсеич безмолствовал. - Ладно, гаси его, ребята. На Петю со всех сторон посыпались удары, он упал, забился в угол и закрылся руками, согнул ноги в коленях. - Ну-ка разбежались, твари,- в кучу малу врезалась Лена, размахивая дыроколом, её в темноте толкнули, она отлетела к стеклянной перегородке, больно стукнулась головой. Накал спал, один за другим, сотрудники стали отходить от избиваемого и разбрелись по рабочим местам. Лена тоже пошла к своей стойке. На улице светало. - Пять утра, скоро метро откроют,- подумала она,- как там Федя с Димкой, спят, наверное. И тут случилось что-то, вдруг все замерли. За шкафом выключился компьютер. Оттуда вышел сисадмин Паша и пошёл на выход. - Паша, не надо, зачем?- сказал Лена и бросилась из-за стойки, чтобы его остановить, но он не слышал её из-за своих больших наушников, повернулся к ней, улыбнулся, махнул рукой, приложил карту к считывателю, открыл дверь и вышел в предбанник к лифту. - Ур-р-ра,- раздалось в офисе, все бросились собирать свои вещи и ломанулись к выходу. Никогда ещё в лифт не вмещалось столько народу, все спешили домой. Когда все ушли, Лена прошла по офису, ещё раз проверила, что все ушли, опечатала двери, спустилась вниз, вышла из стеклянных дверей и увидела, что на скамейки напротив офиса сидит её Федя. Она бросилась ему на шею и расплакалась. - Лена, я решил, что тебе надо уволиться, в конце концов, можно устроиться к маме в НИИ, в отдел кадров, Серафима Ильинична уже старая, ей помощница нужна, денег конечно немного, а лучше, роди мне ещё одного ребёнка. Она пытлась одновременно кивать, целовать его и плакать. - Ну, всё-всё, пойдём домой, - он обнял её за плечи и повёл в сторону метро.

Эпилог.

Когда в понедельник всё стали приходить в офис, как всегда, по привычке опаздывая, кто на час, кто на два, то у дверей их встречала Лена, которая фиксировала опоздания и отправляла всех в кабинет генерального. Там писали заявления об увольнении, потом шли к рабочим местам, где сидели сотрудники, вызванные из регионов. Паша открывал компьютер за компьютером, зная пароли, вся информация с жёстких дисков просматривалась службой безопасности, которую возглавил бывший сотрудник ОБЭП, Василич. Юристы готовили иски в суд к проворовавшимся сотрудникам. Грянули перемены… .